

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА С. СТАМБОЛОВА И ПРАВИТЕЛЬСТВ НАРОДНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ «СТАМБОЛОВИСТСКОЙ» ПАРТИИ БОЛГАРИИ В ОЦЕНКЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА НЭПА И СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА

Дмитро Миколенко

Стефан Николов Стамболов (1854–1895 гг.) – одна из наиболее противоречивых фигур в истории Болгарии. Деятельность этого политика получила неоднозначную оценку его современников и исследователей. Для одних, он основатель национального государства, «балканский Бисмарк», патриот; для других – тиран, узурпатор власти и выскочка. Но бесспорным остаётся тот факт, что это талантливая, незаурядная и яркая личность со стремительной впечатляющей карьерой. В 1873–1876 гг. С. Стамболов активно участвовал в национально-освободительной борьбе против османского владычества, после получения Болгарией независимости в 1878 г. был депутатом III и IV Великих, а также I, II, IV, V, VI, VII Обыкновенных народных собраний, служил добровольцем в армии во время войны 1885 г. с Сербией, занимал должность председателя парламента (1884–1886 гг.), входил в состав Регентского совета (1886–1887 гг.), возглавлял правительство (1887–1894 гг.) и Народно-либеральную «стамболовистскую» партию (НЛП) в 1886–1895 гг.

С. Стамболов известен как последовательный противник вмешательства во внутренние дела Болгарии любой из великих держав. Его принципиальная позиция во время политического кризиса 1886–1887 гг. не позволила России обеспечить контроль над Княжеством, установив там послушную себе власть. Царь Александр III не смирился с этим и в ноябре 1886 г. разорвал дипломатические отношения с Софией. В дальнейшем С. Стамболов пытался преодолеть международную изоляцию, в которой оказалась Болгария после избрания на её престол Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, принимал меры, направленные на решение македонского вопроса путём поиска компромисса с Портой, предпринимал попытки наладить отношения с Санкт-Петербургом. После его гибели в 1895 г. НЛП некоторое время продолжала следовать идеалам прежнего

лидера. Однако впоследствии она была вынуждена приспособливаться к новым реалиям авторитарного режима князя Фердинанда, уступив старым принципам.

В российской дореволюционной историографии внешняя политика С. Стамболова на посту члена Регентского совета и премьер-министра, а также правительств НЛП, практически не исследовалась, а в немногочисленных трудах¹, в которых эта тема затрагивалась, деятельность «стамболовистов» оценивалась однозначно негативно. После Октября 1917 г. большинство российских учёных, оставшихся на родине, постепенно взяли на вооружение марксистскую методологию и начали применять классовый подход к изучению истории Болгарии. Изменилась тематика исследований. Период конца XIX–начала XX в. интересовал советских научных деятелей преимущественно с точки зрения развития революционного социалистического движения, классовой борьбы и международных отношений на Балканах. Целью данной работы является анализ исследований советских авторов, опубликованных в период нэпа и сталинского режима, где раскрывается внешняя политика С. Стамболова и правительств НЛП. К этому времени подобные попытки делались А.С. Бейлисом, который в 1948 г. опубликовал историографический обзор российско-болгарских отношений в 1880-х годах², а также некоторыми современными болгарскими учёными³, однако все эти исследования неполные.

В Советском Союзе как государстве, где существовал авторитарный режим, в 1920-х годах влияние власти на науку было распространённым явлением. Оценки, которые получали исторические события на Балканах, определялись международным положением СССР, взаимоотношениями Москвы со странами Юго-Восточной Европы и внутривосточной конъюнктурой.

Первые публикации, в которых упоминается внешняя политика С. Стамболова и правительств партии «стамболовистов», появились в Советском Союзе в конце Гражданской войны. В 1923 г. была издана работа⁴ бывшего журналиста П. Северцева, который в начале XX в. работал корреспондентом на Балканах. Его статья – это исследование, основанное на материалах болгарской прессы конца XIX–начала XX в. и личных воспоминаниях автора. Анализируя причины разрыва дипломатических отношений между Болгарией и Россией в 1886 г., П. Северцев отмечает, что С. Стамболов намеренно спровоцировал обострение ситуации, а затем обратился к Александру III с просьбой взять Болгарию под опеку. Санкт-Петербург расценил такой жест буквально, для Софии же, подчёр-

¹ Овсяный Н.Р. Болгария и болгары. СПб., 1900; Погодин А.Л. История Болгарии. СПб., 1910; Ястребов Н.В., П.А. Лавров. История болгарского народа. Петроград, 1916.

² Бейлис А.С. К вопросу об историографии русско-болгарских отношений в 80-х гг. XIX ст. – Учёные записки Львовского государственного университета. Львов, 1948, т. 10, серия истории, вып. 3, с. 83–102.

³ Палангурски М. България в балканската политика на Русия (1899–1903). Велико Търново, 1996; Пантев А. Англия срещу Русия на Балканите (1879–1894). София, 1972.

⁴ Северцев П. Царская дипломатия на Балканах: из воспоминаний. – *Международная жизнь*, 1923, № 1, с. 148–160.

кивает автор, это был лишь акт вежливости⁵. По мнению П. Северцева, подобное непонимание ситуации российским правительством определило неадекватное поведение генерал-майора Н. Каульбарса, прибывшего в Софию со специальной миссией. Согласно полученным в Санкт-Петербурге инструкциям, он действовал как хозяин положения, общаясь с регентами языком ультиматумов. Отклонив требование Н. Каульбарса перенести работу Великого народного собрания, которое должно было избрать нового князя, С. Стамболов не оставил для России ничего другого, как отозвать своих дипломатов из Болгарии. Таким образом, отмечает исследователь, София проявила своё стремление к политической свободе, характерное для неё с момента обретения независимости⁶.

Анализируя стратегию поведения болгарской власти во главе со С. Стамболовым в 1886 г., П. Северцев отмечает её склонность к организации «эффектных импровизированных сцен, особенно, когда это сулило реальные выгоды». При этом следует отметить, что, представляя политику «стамболовистов» в подобном не совсем благовидном свете, исследователь никоим образом не пытается оправдать действия российской дипломатии. Он расценивает действия миссии во главе с бароном Н. Каульбарсом, направленной в Болгарию для нормализации отношений, как вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Автор иронизирует по поводу попыток генерала посредством публичных выступлений убедить народ страны в необходимости подчиниться власти императора Александра III. Выступив в роли агитатора, Н. Каульбарс не достиг своей цели – болгары не восприняли его пламенных речей⁷.

П. Северцев – один из первых советских исследователей, поставивших под сомнение лояльность настроений широких слоёв болгарского общества к Санкт-Петербургу во время событий 1886 г. Длительное время в российской дореволюционной историографии доминировало суждение, что воля С. Стамболова, предотвратившего вмешательство Освободительницы во внутренние дела Болгарии, противоречила желанию народа страны, который был готов покориться императору Александру III⁸. Автор имел другое мнение по этому поводу. Он указывает, что «...когда-то все болгары были русофилами. Факт освобождения страны российским оружием сыграл в этом решающую роль. Впоследствии появились группы, которые проговаривали слова „великая освободительница“ уже с оттенком иронии. Становилось очевидным, что благодаря своей уродливой внешней политике, Санкт-Петербург мог относиться к демократическому развитию Болгарии только враждебно»⁹.

Возвращение НЛП к власти в 1903 г. П. Северцев называет неожиданно-стью для Европы, ведь, по мнению исследователя, князь Фердинанд продолжал

⁵ Там же, с. 153.

⁶ Там же, с. 154.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 155.

⁹ Там же, с. 160.

с недоверием относиться к этой партии даже после гибели С. Стамболова – своего прямого конкурента в борьбе за единоличное правление на протяжении 1887–1895 гг. В начале XX в. «стамболовисты» взяли на вооружение совсем иную стратегию решения национального вопроса. Автор отмечает, что бывшие представители ближайшего окружения основателя НЛП – Д. Петков (председатель Центрального бюро партии с 1901 по 1907 гг., министр внутренних дел с 1903 по 1906 гг.) и Н. Генадиев (один из лидеров НЛП, министр правосудия с 1903 по 1904 гг.) в конце лета–осенью 1903 г. с симпатией отнеслись к участникам Ильинденского восстания в Македонии, а территория Княжества с их молчаливого согласия превратилась в базу для революционеров. Характеризуя внешнеполитическую ориентацию Болгарии в 1903–1908 гг., П. Северцев подчёркивает, что «нежелание России помочь решению македонского вопроса в пользу Софии ещё больше оттолкнуло Болгарию от своей освободительницы»¹⁰.

Значительное влияние на дальнейшее изучение темы имеет книга «Дипломатия и войны царской России в XIX веке»¹¹, которую написал М.Н. Покровский – заместитель наркома просвещения РСФСР, один из организаторов Института истории Академии наук СССР, председатель Общества историков-марксистов. По мнению автора, политика Петербурга на Балканах определялась экспансивными экономическими интересами и составляла один из эпизодов колониализма. Свою работу М.Н. Покровский создал без применения подлинных источников, на уже ранее опубликованном материале, что существенно снижает её научный уровень. Однако, несмотря на указанный недостаток, книга стала своеобразным ориентиром для исследователей, занимавшихся изучением истории Болгарии и оценивавших внешнюю политику этой страны в контексте взаимоотношений Софии и Санкт-Петербурга.

В статье¹² известного российского/советского историка Э.Д. Гримма применяется марксистский подход к анализу международных отношений на Балканах в конце XIX–начале XX в. В ней подчёркивается, что внешняя политика Болгарии до 1918 г. определялась стремлением местной буржуазии к обогащению, а С. Стамболов в период своего премьерства характеризуется как проводник этих интересов. Автор поддерживает распространённый в дореволюционной российской историографии тезис о негативном отношении к этому политику широких слоёв населения Болгарии, а причину видит в том, что С. Стамболов «...довёл конфликт с Россией до предела и установил в стране режим, скопированный из худших турецких образцов»¹³. По мнению Э.Д. Гримма, отстранение «стамболовистов» от власти в 1894 г. стало своеобразной жертвой для России. Князь Фердинанд пытался наладить отношения с Санкт-Петербургом, а С. Стамболов, которого император Александр III продолжал воспринимать

¹⁰ Там же, с. 155–156.

¹¹ **Покровский М.Н.** Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Москва, 1923.

¹² **Гримм Э.** К истории русско-болгарских отношений. – *Новый восток*, 1924, № 5, с. 68–85.

¹³ Там же, с. 82.

как одиозную фигуру, мешал этим планам. Однако эпоха «стамболовистов» не прошла бесследно. Положительный образ самодержавной российской власти, которая помогла обрести независимость Болгарии, после восьмилетнего правления правительства С. Стамболова «...сохранился только в головах неисправимых фантастов. С тех пор российско-болгарские отношения могли строиться на взаимном признании общности интересов, а не на одностороннем правлении одних и покорности других»¹⁴.

Сближение Софии с Германией и Австро-Венгрией в начале XX в., воплощениями в жизнь которого были последователи С. Стамболова – представители Народно-либеральной партии, Э.Д. Гримм объясняет экономическими причинами. Он считает, что российско-болгарские торговые отношения никогда не были весомыми, поэтому не могли сравниться с размерами товарооборота между Болгарией и Центральными империями. Российское зерно и другое сырьё конкурировали с болгарским, болгарская же сельскохозяйственная продукция не могла завладеть рынками сбыта в России. Промышленно развитая союзница Петербурга – Франция – не проявляла большого интереса в Болгарии. Всё это имело вполне понятные политические последствия и вместе с явным фактом тесного сотрудничества России с Сербией ускорило присоединение Болгарии к Германии и Австро-Венгрии во время Первой мировой войны. Протесты «русофильской» оппозиции против политики царя Фердинанда и верного ему коалиционного правительства «радославовистов»* – «стамболовистов», оказались безрезультатными¹⁵.

Э.Д. Гримм – историк, который начал свою научную карьеру в конце XIX в. Как профессионал он состоялся ещё во времена Российской империи. В его исследовании чувствуется влияние работ А.Л. Погодина, Н.В. Ястребова, П.А. Лаврова, опубликованных до Октября 1917 г. Это прослеживается в оценках политики правительства С. Стамболова. Однако марксистская методология позволила автору по-новому рассмотреть причины разрыва дипломатических отношений между Софией и Санкт-Петербургом, а также предпосылки сближения Болгарии с Центральными державами накануне Первой мировой войны.

После установления в России большевистской власти, советские историки-марксисты стали критически относиться к внешней политике царского правительства в Юго-Восточной Европе, характеризуя её как агрессивную, экспансивную и колониальную. Это позволило сделать переоценку отношений Софии и Санкт-Петербурга в конце XIX–начале XX в., а также деятельности С. Стамболова. Ответственность за разрыв дипломатических связей в 1886 г. возлагалась не только на «стамболовистов», но и на российскую дипломатию.

¹⁴ Там же, с. 83.

* Политическая группировка сторонников бывшего премьер-министра страны Васила Радославова (1886–1887 гг.), которая в 1886 г. оформилась в самостоятельную политическую силу – Либеральную партию.

¹⁵ Там же, с. 84–85.

Авторами определялись ошибки Российской империи на международной арене, а также осуждались её попытки превратить Болгарию в послушное орудие в своих руках.

Указанные выше тенденции в освещении истории болгарско-российских взаимоотношений последней четверти XIX в. доминировали в советской науке на протяжении 1920–1930 гг. Однако в конце 1920-х появился альтернативный подход к их характеристике. В 1928 г. была опубликована работа¹⁶ известного учёного, преподавателя Московского университета С.Д. Сказкина, в которой отмечалось, что царизм не имел захватнических намерений по отношению к Болгарии и не стремился превратить эту балканскую страну в свою колонию или заморскую губернию. Среди основных аргументов в пользу своей позиции исследователь называет отсутствие экономических интересов России в Болгарии, подчёркивая главную цель Петербурга на Балканах – установление выгодного для себя режима в Босфоре и Дарданеллах. По мнению автора, в 1880-х годах «радикальное решение относительно проливов не входило в планы российского правительства, которое пыталось предотвратить их захват Англией»¹⁷. В 1920–1930 гг. эта концепция находилась в тени господствующей. Однако в начале 1940-х она сыграла заметную роль в трансформации оценочного подхода исследователей к характеристике взаимоотношений Софии и Петербурга.

Постепенное сворачивание нэпа и усиление авторитарных признаков политического режима в конце 1920-х–начале 1930-х годов повлияло на развитие исторической науки в Советском Союзе. Международные отношения стали рассматриваться в контексте классовой борьбы, а ссылки на работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина теперь были обязательным элементом научного исследования. Все эти изменения сказывались на объективности и качестве исторических изданий¹⁸.

В работе¹⁹ В.В. Радева, опубликованной в 1930 г. в Харькове, характеризуется международный курс Болгарии в конце XIX–начале XX в. Исследователь отнёс «стамболовистскую» партию к числу «буржуазных» группировок, которые обеспечивали опору болгарскому монарху Фердинанду. Последний был руководителем национальной политики государства, а НЛП, по мнению автора, отличалась полной солидарностью с Кобургом в вопросе о расширении территории страны за счёт «кого-нибудь из своих соседей». Также историк отмечает, что Фердинанд привлекал к власти лидеров «стамболовистов» в 1903 и 1913 годах, то есть именно в тот момент, когда на международной арене Софии нужна была поддержка Австро-Венгрии и Германии²⁰.

¹⁶ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза: Исследования по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX ст. Т. 1. Москва, 1928.

¹⁷ Там же, с. 29.

¹⁸ Копосов Н. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. Москва, 2005, с. 183.

¹⁹ Радєв В.В. Національне питання на Балканах. Харків, 1930.

²⁰ Там же, с. 18.

Некоторые утверждения автора довольно противоречивы. Например, на протяжении 1887–1894 гг. внешнюю политику страны определял не князь, как считал В.В. Радев, а премьер-министр. В этот период София воплощала в жизнь «стамболовистскую» концепцию решения национального вопроса, которая заключалась в попытках укрепить позиции Экзархата в Македонии и Фракии и таким образом обеспечить болгарскую идентичность населения указанных территорий Порты. Только после отставки С. Стамболова Фердинанд получил возможность воздействовать на международную ориентацию государства, назначая кабинеты министров по своему усмотрению. Окончательно монарх подчинил себе внешнюю политику Болгарии лишь в 1911 г., когда была отменена ст. 17 Тырновской конституции, согласно которой заключение международных соглашений осуществлялось правительством только после решения Народным собранием.

Статья²¹ П.П. Павловича представляет собой типичное научное исследование времён сталинского режима. Цитирование классиков марксизма-ленинизма (в некоторых случаях нецелесообразное), а также использование тенденциозно подобранных документов – основные черты этой работы. Политика царской России в Болгарии на протяжении 1880–1890 гг. характеризуется как «авантюристическая и театральная», а неудачи Санкт-Петербурга, по мнению автора, были вполне закономерными. Позиция С. Стамболова по отношению к действиям царской дипломатии не определяется П.П. Павловичем как предательская и оправдывается государственными интересами Софии, которые не совпадали с устремлениями Российской империи²².

Исследователь отмечает, что в 1886 г. замыслам С. Стамболова благоприятствовала международная обстановка. Желание председателя Регентского совета ограничить воздействие Санкт-Петербурга на Болгарию поддерживали Великобритания, Австро-Венгрия и Германия, которых не устраивала перспектива усиления позиций Российской империи на Балканах. В результате, события 1886 г. способствовали сближению Софии с Лондоном, Веной и Берлином. По мнению автора, миссия Н. Каульбарса с самого начала была обречена на провал. П.П. Павлович пишет, что поведение барона как опекуна Болгарии выглядело совсем некстати, «...ведь освобождать страну после её спасения от влияния царской России было не от кого»²³.

Официально разорвав дипломатические отношения, Россия изменила тактику открытого вмешательства во внутренние дела Болгарии, пытаясь организовать в Княжестве восстания и мятежи, убийства и диверсионные акты с целью планомерного подрыва государственного строя. В доказательство этому автор приводит документы из архивов Российской империи, где содержится информация о подготовке военных переворотов в 1886 и 1887 годах²⁴.

²¹ Павлович П.П. Авантюры русского царизма в Болгарии в 80-х и 90-х гг. – *Борьба классов*, 1933, № 6, с. 107–125.

²² Там же, с. 110.

²³ Там же, с. 111.

Несомненной заслугой П.П. Павловича является введение в научный оборот неопубликованных ранее исторических источников – переписки Министерства иностранных дел Российской империи со своими дипломатическими представителями в Турции, Сербии, Румынии, Австро-Венгрии и других странах. Однако исследование историка не лишено некоторых отрицательных черт. Автор излишне увлекается критикой внешней политики Санкт-Петербурга по отношению к Болгарии, а вот политическая ситуация, сложившаяся в этой балканской стране в 1886–1894 гг., оказалась недостаточно раскрытой. Деятельность миссии Н. Каульбарса также освещена поверхностно. А представленный в статье тезис о поддержке Великобританией, Австро-Венгрией и Германией политики С. Стамболова не находит подтверждения фактическим материалом.

Итак, период 1920-х–начало 1930-х годов для советской исторической науки прошёл под знаком кардинальной переоценки дореволюционного наследия российских учёных-славистов. Вмешательство Санкт-Петербурга во внутренние дела Болгарии исследователи начали подвергать осуждению, считая вполне оправданным отпор С. Стамболова попыткам императора Александра III подчинить Княжество воле России. При этом внешняя политика премьера и правительств НЛП в конце XIX–начале XX в. раскрывалась не достаточно глубоко, а её особенности терялись на фоне развёрнутой критики мер царского правительства на Балканах.

Стоит отметить, что подобная однозначность трактовки истории Болгарии советскими учёными объяснялась, в том числе, и довольно узкой источниковой базой, представленной несколькими сборниками²⁵ тенденциозно подобранных документов. Расширить список источников за счёт болгарских материалов было достаточно проблематично, ведь дипломатические отношения между Софией и Москвой установились только в 1935 г. Однако даже после их налаживания межгосударственные научные связи оставались ограниченными.

Значительные потери понёс кадровый состав советских учёных во время сталинского режима. В связи с «делом славистов» 1933–1934 гг. жертвами репрессий стало немало историков²⁶. В 1934 г. прекратил свою деятельность Институт славяноведения, который проработал всего три года. Эти события были связаны с началом наступления на славистику как распространённую в нацистской Германии «реакционную науку». В конце 30-х годов XX в., когда в Советском Союзе уже существовал тоталитарный режим, эта отрасль переживала глубокий кризис. Но, несмотря на тяжёлые обстоятельства, исследования истории Болгарии продолжались.

²⁴ Там же, с. 120.

²⁵ *Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов./Сост. П. П. Павлович. Москва, 1935; Документы из секретного архива русского правительства. София, 1892.*

²⁶ **Аксёнова Е.П.** Из истории советской славистики в 1930-е годы. – *Советское славяноведение*, 1991, № 5, с. 83.

19 июля 1934 г. И.В. Сталин написал письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) под заголовком «О статье Энгельса „Внешняя политика русского царизма“». В нём автор критически относится к интерпретации немецким философом причин империалистических войн и конфликтов конца XIX в., не соглашаясь, что стремление России получить контроль над Босфором и Дарданеллами было одним из основных факторов дестабилизации международных отношений. По мнению И.В. Сталина, в обострении противоречий между великими державами на исходе позапрошлого века, виноваты в равной степени все страны. Советский лидер также отрицает утверждение Ф. Энгельса о возможных позитивных последствиях поражения отсталой и патриархальной России в её противостоянии с Германией. Это письмо И.В. Сталина заставило советских учёных по-новому оценить политику Петербурга на Балканах.

В январе 1936 г. Совнаркомом и ЦК ВКП(б) было объявлено, что взгляды, присущие представителям так называемой «школы М. Н. Покровского», являются вредными для исторической науки, а также ошибочными с точки зрения трактовки марксизма. Методологические подходы учёных, которые разделяли позицию выдающегося российского историка-марксиста в интерпретации внешней политики Российской империи, подверглись жёсткой критике на страницах газет «Известия» и «Правда». В адрес уже покойного в то время М.Н. Покровского были выдвинуты политические и научные обвинения в склонности к «вульгарному социологизму», «антимарксизму», «антипатриотизму» и «чернению истории России».

Однако традиции, заложенные в советской исторической науке в 1920-х годах, оказались устойчивыми. Влияние работ историков «школы М.Н. Покровского» на исследования авторов, продолжавших изучать политику Санкт-Петербурга на Балканах, ощущалось и в дальнейшем. Примером этого является напечатанная в 1939 г. студенческая работа²⁷ известного учёного-болгариста С.И. Сидельникова, который в то время учился в Ленинградском государственном университете. Характеризуя внешнюю политику правительства С. Стамболова, автор отмечает, что премьер-министр боролся не против русских вообще, а против мер царизма. «Болгарский народ был благодарен россиянам за освобождение от турецкого владычества, — пишет С.И. Сидельников, — но он не покорялся власти Белого царя, которая держала в рабском положении десятки миллионов своих подданных и пыталась превратить княжество в свою заморскую губернию»²⁸.

С.И. Сидельников подробно рассматривает ход болгарского кризиса в 1886 г. Он ищет ответ на вопрос, которому его предшественники не уделяли должного внимания: почему С. Стамболов, находясь в довольно сложных отношениях с первым болгарским князем Александром Баттенбергским, стремился вернуть его к власти в 1886 г.? Автор считает, что регент воспринимал бывшего

²⁷ Сидельников С.И. Авантюра русского царизма в Болгарии (1878–1896 гг.). – Учёные записки Ленинградского государственного университета, 1939, № 36, вып. 3, с. 145–180.

²⁸ Там же, с. 153.

монарха как символ борьбы с Россией. Поэтому он сделал всё, ради восстановления прав А. Баттенбергского на престол.

Историк также анализирует причины провала дипломатической миссии генерал-майора Н. Каульбарса в Болгарии: «Важная задача по нормализации взаимоотношений с Софией была поручена лицу, не разбирающемуся в особенностях дипломатии. Любимец царя всё делал на свой страх и риск, не согласовывая действия с министерством»²⁹. Холодное отношение к российским посланникам со стороны большинства населения сам барон Н. Каульбарс объяснял интригами С. Стамболова, который держал народ в страхе. «В действительности же, — отмечает С.И. Сидельников, — в Болгарии насчитывалось немало недовольных русификаторской политикой Санкт-Петербурга»³⁰.

Разрыв Россией дипломатических связей с Софией историк оценивает как поражение и проявление слабости царской дипломатии. «Не сумев победить княжество в открытом противостоянии, Санкт-Петербург пошёл на преступление против болгарского народа, пытаясь в 1887 г. организовать в Болгарии военный переворот» — анализирует автор дальнейшие события. Не достигнув своей цели и на этот раз, российское правительство отступило, однако продолжало вынашивать идею о превращении Болгарии в плацдарм для борьбы за Константинополь³¹.

К внешней политике правительства С. Стамболова в целом С.И. Сидельников относится с пониманием, оправдывая её стремлениями болгарского народа создать полноценное государство, способное отстаивать свои национальные интересы на международной арене.

В 1941 г. вышеупомянутое письмо И.В. Сталина «О статье Энгельса „Внешняя политика русского царизма“»³² было напечатано в журнале «Большевик». Эта публикация значительно ускорила процесс переоценки внешней политики Российской империи в конце XIX в. Лояльные к коммунистическому режиму учёные взяли на вооружение некоторые тезисы «вождя народов» и стали менее критично относиться к мерам Санкт-Петербурга на Балканах.

В начале 1940-х годов историки-слависты более активно продолжили свои исследования. Очевидность угрозы со стороны нацистской Германии, нависшей над странами Центральной и Восточной Европы, в том числе и СССР, актуализировала идею славянского единства. Именно поэтому изучение истории и культуры Болгарии в Советском Союзе стало популярным. Из лагерей были освобождены репрессированные в середине 1930-х годов специалисты, которые возобновили свою исследовательскую работу³³.

²⁹ Там же, с. 154.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 180.

³² **Сталин И.В.** О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». — *Большевик*, 1941, № 9, с. 1–5.

³³ **Горяинов А.Н.** Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки. — *Советское славяноведение*, 1990, № 2, с. 78–89.

С вступлением СССР во Вторую мировую войну завершилась трансформация подхода советских историков к характеристике внешней политики Российской империи в конце XIX–начале XX в. Вмешательство Санкт-Петербурга во внутренние дела Болгарии и других стран региона стало определяться как особая миссия защиты молодых славянских государств Юго-Восточной Европы от экспансии Германии и Австро-Венгрии. Неудачные попытки России восстановить добрые отношения с Софией объяснялись не просчётами правительства, а интригами со стороны Берлина и Вены, а также нежеланием правящих кругов Болгарии сотрудничать с Санкт-Петербургом. После окончания Второй мировой войны указанные тенденции стали господствующими.

Ещё с середины 1930-х годов постепенных изменений претерпела и тематика исследований советских славистов. Учёные значительно больше внимания начали уделять первому двадцатилетию минувшего века. Объектом их изучения стали Балканские войны, внешняя политика царя Фердинанда и болгарских правительств (в том числе «стамболовистских») накануне Первой мировой войны³⁴.

Историки А.А. Могилевич и М.Э. Айрапетян в своей статье³⁵ в основном делают акцент на взаимоотношениях России и Болгарии после Второй балканской войны. Коалиционное правительство «стамболовистов», «радославовистов» и «тончевистов»*, которое пришло к власти в июле 1913 г., взяло, по определению авторов, «...твёрдый курс на разрыв с Санкт-Петербургом и сближение с Веной. В результате российско-болгарские отношения изменились настолько, что прежняя дружба канула в вечность»³⁶. Называя смену внешней ориентации Софии основной причиной осложнения двусторонних связей, А.А. Могилевич и М.Э. Айрапетян оправдывают меры Санкт-Петербурга на Балканах, что является типичным приёмом для советских авторов того времени.

В работах³⁷ львовского историка Б.И. Распутниса также анализируется внешняя политика болгарских правительств в начале прошлого века. «Расту-

³⁴ **Виноградов К.Б.** Внешняя политика и дипломатия Австро-Венгрии в начале балканских войн (октябрь 1912–январь 1913 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1953; **Жебокрицкий В.А.** Дипломатия империалистической Германии в связи с возникновением Балканской войны 1912 года. – Научные записки Киевского государственного университета им. Шевченко, 1949, т. 8, вып. 1, с. 161–180; **Магазинер С.** Балканские войны 1912–1913 годов. – *Исторический журнал*, 1941, № 6, с. 70–77; **Трухнов Г.М.** Германская политика провокаций в начале первой балканской войны. – Учёные записки Белорусского государственного университета, 1950, вып. 10, с. 115–155.

³⁵ **Могилевич А., М. Айрапетян.** Европейская дипломатия и балканские войны (1912–1913 гг.). – *Военно-исторический сборник*, 1939, № 3, с. 68–91.

* Представители Младолиберальной партии, созданной в 1904 г. Димитром Тончевым.

³⁶ Там же, с. 68.

³⁷ **Распутнис Б.И.** Борьба империалистических держав за Балканы в первое десятилетие XX века. – *Доповіді та повідомлення Львівського державного університету імені Ів. Франка*, 1949, вип. 2 історичний, с. 55–59; **Распутнис Б.И.** Образование Балканского союза 1912 г. и европейская дипломатия. – Научные работы студентов Львовского государственного университета им. Франко, 1948, сб. 1, с. 7–26.

щая молодая буржуазия страны, – пишет автор, – стремилась расширить сферу своей деятельности, в первую очередь, за счёт европейских владений Турции. Объектом её противоречий с другими государствами полуострова стала Македония – важная в стратегическом отношении область»³⁸. Номинально независимая Болгария, по мнению исследователя, фактически находилась под экономическим и политическим влиянием великих держав. Тем не менее, историк признаёт тот факт, что правительства Болгарии пытались проводить в некоторой степени самостоятельную политику, которая определялась интересами национальной буржуазии и правящих династий. Это выражалось в выборе «покровителя» среди империалистических держав³⁹.

Значительный вклад в исследование темы международного положения Болгарии, а также внутренней ситуации в этой стране накануне и во время Первой мировой войны сделал донецкий учёный С.Ш. Гринберг⁴⁰. В одной из своих работ он подробно рассмотрел обстоятельства отставки правительства С. Данева и прихода к власти коалиции «либеральной концентрации» в составе «стамболовистов», «радославовистов» и «тончевистов» в июле 1913 г. Автор подчёркивает положительное отношение царя Фердинанда к внешнеполитической ориентации указанных партий на страны Тройственного союза. Исследователь считает, что София была готова присоединиться к блоку Центральных держав ещё до начала Первой мировой войны. Однако тогда этим планам помешала Германия⁴¹.

После начала боевых действий уже Болгария не спешила вмешиваться в вооружённый конфликт. По мнению С.Ш. Гринберга, София выжидала удобного момента и более благоприятной ситуации на фронтах. Он отмечает, что Болгарское царство, формально оставаясь нейтральной державой, тайно помогало австро-германскому блоку и Османской империи. Но вот в чём именно заключалось это содействие, автор не уточняет⁴².

С.Ш. Гринберг также рассматривает идеологическую подготовку к войне на стороне Германии и Австро-Венгрии, которую проводило правительство «либеральной концентрации». Ссылаясь на провластные газеты, исследователь обращает внимание на попытки «стамболовистов» и их союзников очернить в глазах болгарского народа образ России. Однако, по мнению ав-

³⁸ **Распутник Б.И.** Борьба империалистических держав за Балканы в первое десятилетие XX века. – Доповіді та повідомлення Львівського державного університету імені Ів. Франка, 1949, вип. 2 історичний, с. 58.

³⁹ Там же.

⁴⁰ **Гринберг С.Ш.** Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне первой мировой войны (1912–1914 гг.). – *Славянский сборник*, 1947, с. 291–335; **Гринберг С.Ш.** Вступление Болгарии в Первую мировую войну. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1945; **Гринберг С.Ш.** Первая мировая война и болгарский народ. – *Исторические записки*, 1947, № 21, с. 202–221.

⁴¹ **Гринберг С.Ш.** Первая мировая война и болгарский народ. – *Исторические записки*, 1947, № 21, с. 203.

⁴² Там же.

тора, эта пропаганда не находила поддержки среди широких слоёв населения страны⁴³.

Более глубокое представление о тенденциях, присущих советской историографии в освещении российско-болгарских взаимоотношений 1880-х годов, даёт статья⁴⁴ львовского историка А.С. Бейлиса. В ней изложено рассмотрение уже упоминавшихся нами работ М.Н. Покровского, П.П. Павловича и С.Д. Сказкина, опубликованных в 1920-х годах. Автор категорически не соглашается с исследователями, анализировавшими политику Санкт-Петербурга касательно Болгарии как колониальную. Работа М.Н. Покровского, по определению А.С. Бейлиса, «...написана под влиянием вульгарного экономического материализма и не вносит ничего нового для понимания российско-болгарских отношений»⁴⁵. Статья же П.П. Павловича имеет тенденциозный характер и основывается на материалах, подобранных с намерением доказать агрессивность российских планов на Балканах⁴⁶. А вот тезис С.Д. Сказкина о неагрессивности политики Санкт-Петербурга в регионе историк полностью поддерживает, констатируя, что в течение последней четверти XIX в. Россия не имела никаких экономических интересов в Болгарии⁴⁷.

Работе А.С. Бейлиса присущи очевидные недостатки. Она создана под влиянием официальной позиции власти в СССР по интерпретации истории российско-болгарских взаимоотношений в последней четверти XIX в. К тому же историографический обзор автора неполон. Он проигнорировал ряд работ, опубликованных в Советском Союзе на протяжении 1920–1930 гг., которые непосредственно касаются тематики его исследования – это статьи П. Северцева и С.И. Сидельникова.

Первым в СССР фундаментальным трудом по истории Болгарии является двухтомник⁴⁸ под редакцией П.Н. Третьякова, С.А. Никитина и Л.Б. Валева, работа над которым началась во времена сталинского режима, однако напечатан он был в 1954 г. – уже после смерти «вождя народов». И.Н. Частухин и И.В. Козьменко – авторы разделов первого тома, посвящённых периоду правления «стамболовистов» и политическому кризису 1886–1887 гг. Они называют С. Стамболова «непримиримым врагом российского влияния» и указывают на «тесную связь между группировкой его сторонников и западноевропейскими монополистическими объединениями и торговыми фирмами»⁴⁹. «Стамболовисты», поддерживая «реакционную политику Баттенберга», в отличие от привер-

⁴³ Там же, с. 107.

⁴⁴ Бейлис А.С. К вопросу об историографии русско-болгарских отношений в 80-х гг. XIX ст. – Учёные записки Львовского государственного университета. Львов, 1948, т. 10, серия истории, вып. 3, с. 83–102.

⁴⁵ Там же, с. 100.

⁴⁶ Там же, с. 101–102.

⁴⁷ Там же, с. 101.

⁴⁸ История Болгарии./Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина. Т. 1. Москва, 1954.

⁴⁹ Там же, с. 397.

женцев ориентации Болгарии на Россию, действовали уверенно и энергично, благодаря чему им удалось победить в борьбе за власть⁵⁰.

В этом же томе анализируется и внешняя политика Софии периода премьерства С. Стамболова. И.Н. Частухин и И.В. Козьменко подчёркивают, что наиболее уязвимым местом Княжества во главе с Фердинандом Саксен-Кобург-Готским оставалось его непризнание великими европейскими державами. Глава правительства, у которого с князем постоянно возникали споры, был склонен пойти на примирение с Россией. Он пытался вступить в переговоры с Александром III, однако император отказался сотрудничать с болгарским премьер-министром и давать ему какие-либо гарантии невмешательства в дела Княжества. После этого С. Стамболов обратился к Великобритании, рассчитывая на её содействие в признании Болгарии западноевропейскими государствами. Но и этому плану было не суждено реализоваться. Фердинанд, заручившись поддержкой влиятельных оппозиционных сил Болгарии, начал закулисные переговоры с Россией⁵¹, которая продолжала требовать отставки одиозного премьера. В конце концов, князь пошёл на компромисс, отстранив в 1894 г. правительство «стамболовистов» от власти. Курс Софии на сближение с Санкт-Петербургом завершился восстановлением в 1895 г. дипломатических связей между двумя странами.

Детально рассматривая указанные выше проблемы, И.Н. Частухин и И.В. Козьменко не уделили должного внимания другим мерам правительства С. Стамболова на международной арене – отношениям Болгарии с Османской империей и попыткам Княжества решить македонский вопрос в свою пользу, без которых характеристика внешней политики «стамболовистов» в 1887–1894 гг. является неполной.

В следующих разделах первого тома деятельность правительств НЛП упоминается неоднократно. Так, рассматривая период 1903–1908 гг., когда у власти в стране вновь находились «стамболовисты», И.В. Козьменко и В.Д. Конобеев указывают на активизацию подготовки Софии к вооружённому конфликту с Портой, главной целью которого было освобождение Македонии. Исследователи обращают внимание на тот факт, что в течение указанного времени болгарское правительство значительно усилило агитацию среди христианского населения Салоникского, Битольского и Скопского вилайетов Османской империи, всё чаще инспирировало деятельность четников на территории Порты, содействовало нелегальной доставке для них оружия через свою границу⁵². Незадолго до начала Балканских войн 1912–1913 гг., отмечает ещё один соавтор двухтомника – М.А. Бирман, НЛП и другие либеральные партии страны, которые ориентировались на австро-германский блок, открыто выступали за войну против Турции⁵³.

⁵⁰ Там же, с. 398.

⁵¹ Там же, с. 404.

⁵² Там же, с. 475.

⁵³ Там же, с. 483.

Внешнеполитический курс коалиционного правительства «радославовистов», «стамболовистов» и «тончевистов» накануне и во время Первой мировой войны характеризуется М.А. Бирманом как «антиславянский и пронемецкий»⁵⁴. Против него, по мнению историка, выступали «широкие народные массы болгарского общества». Именно поэтому позиции кабинета министров В. Радославова были неустойчивыми. Чувствуя это, правительство «маскировало свои истинные намерения и тайно продолжало втягивать Болгарию в лагерь австро-германского империализма»⁵⁵.

В отличие от предыдущих работ советских авторов, в «Истории Болгарии» некоторые вопросы, связанные с внешней политикой С. Стамболова и правительств НЛП, находят более детальное освещение. Это удалось благодаря внедрению исследователями, которые принимали участие в создании двухтомника, широкой источниковой базы, а также трудов болгарских историков. Однако «История Болгарии» не лишена и некоторых недостатков. Применение авторами классового подхода для характеристики международных отношений в конце XIX–начале XX в., а также идеализация внешней политики России на Балканах не привели к объективному анализу деятельности С. Стамболова и правительств Народно-либеральной «стамболовистской» партии.

На протяжении 1920-х–в начале 1950-х годов в Советском Союзе не было написано ни одной монографии, посвящённой теме, которую мы рассматриваем. Подобная ситуация определялась несколькими причинами – приоритетностью для учёных другой проблематики исследования, а также ограниченностью научных связей между Болгарией и СССР, которые начали расширяться только после завершения Второй мировой войны.

Определяя вклад историков периода нэпа и сталинского режима в изучение данной темы, следует отметить, что периоды 1887–1894 гг., 1899 г., 1903–1908 гг. и 1913–1918 гг., когда представители НЛП находились при власти, не нашли должного рассмотрения на страницах советских научных изданий. Вне поля зрения исследователей остались такие важные составляющие внешней политики правительств «стамболовистов», как попытка решить в пользу Софии македонский вопрос и взаимоотношения Болгарии с соседними балканскими странами, которые теряются на фоне более подробного освещения её отношений с великими державами.

Оценка советскими авторами позиции С. Стамболова и правительств Народно-либеральной партии на международной арене находится в прямой зависимости от интерпретации историками внешней политики России в конце XIX–начале XX в. На протяжении 1920–1930 гг. попытки Санкт-Петербурга усилить своё влияние на Балканах осуждались как вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Наряду с этим деятельность «стамболовистов», которые противостояли России, по мнению учёных, вполне отвечала национальным интересам Болгарии и поэтому воспринималась положительно.

⁵⁴ Там же, с. 500.

⁵⁵ Там же.

По мере возрастания амбиций СССР и обострения международных отношений в конце 1930-х годов, а также под влиянием власти советские исследователи пересмотрели свои взгляды на внешнюю политику Российской империи, начав откровенно оправдывать её. Поэтому С. Стамболов и его сторонники – Д. Греков, Д. Петков, Н. Геннадиев, которые препятствовали Санкт-Петербургу выполнять миссию защитника славянских стран от австро-венгерской и германской экспансии, в научных работах по истории Болгарии, написанных во время и после Второй мировой войны, характеризуются как одиозные фигуры. Эта тенденция оказалась устойчивой, поэтому сохранялась в советской исторической науке и после смерти Сталина (1953 г.) – в период «хрущёвской оттепели» и «брежневского застоя».

**THE FOREIGN POLICY OF STEFAN STAMBOLOV
AND THE GOVERNMENT OF THE PEOPLE'S LIBERAL
"STAMBOLOV'S" PARTY IN BULGARIA IN THE EVALUATION
OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY
DURING THE NEP AND STALIN'S REGIME PERIODS**

Dmytro Mykolenko

(S u m m a r y)

This paper considers the trends and attitudes of the soviet historians of the New Economic Policy and Stalin's regime to the study of Stambolov's foreign policy, and policy of the People's Liberal (Stambolovist) Party governments. The evaluation of the international position of S. Stambolov and the People's Liberal (Stambolovist) Party governments by soviet authors was dependent on the interpretation of the Russian foreign policy in the late 19th - early 20th century by historians. The author concludes that such important components of the subject, as an attempt to resolve in favor of Sofia the Macedonian issue and Bulgaria's relationships with the neighboring Balkan countries, were lost, which are omitted due to more detailed illumination of its relations with the great countries.